

Я. А. Ледовая, Р. В. Тихонов, О. Н. Боголюбова, Е. В. Казенная, Ю. Л. Сорокина

ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ*

В статье впервые на русском языке описывается введенное А. Бандурой понятие «отчуждение моральной ответственности» (moral disengagement) и восемь механизмов, обеспечивающих его проявление. Даются примеры исследований данного конструкта, проводившихся в разных странах на различных выборках и для разных задач. Описана процедура адаптации англоязычного опросника С. Мур — короткой и длинной шкал отчуждения моральной ответственности (MD-8 и MD-24). Показано, что коэффициент внутренней согласованности шкал альфа Кронбаха и тест-ретестовая надежность находятся на приемлемом уровне. Обе версии шкалы на русском языке могут быть использованы для оценки конструкта отчуждения моральной ответственности в различных задачах. В тексте статьи приведены утверждения из обеих шкал. Библиогр. 25 назв. Ил. 1. Табл. 4.

Ключевые слова: отчуждение моральной ответственности, адаптация шкалы, моральное поведение, Альберт Бандура.

Y. A. Ledovaya, R. V. Tikhonov, O. N. Bogolyubova, E. V. Kazennaya, Y. L. Sorokina

MORAL DISENGAGEMENT: THE PSYCHOLOGICAL CONSTRUCT AND ITS MEASUREMENT

The paper is the first presentation of A. Bandura's concept of moral disengagement and its eight mechanisms made in the Russian language. Various examples of empirical research of this construct conducted in different countries for various purposes are described. Three empirical studies of the adaptation procedure for the original English version (authored by C. Moore) are provided in Russian translation:

Ледовая Янина Александровна — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9; y.ledovaya@spbu.ru

Тихонов Роман Вадимович — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9; roman.tikhonov@me.com

Боголюбова Ольга Николаевна — кандидат психологических наук, приглашенный доцент, Университет Clarkson, США, 13699, штат Нью-Йорк, Потсдам, а/я 5825; obogolyu@clarkson.edu

Казенная Елена Викторовна — старший преподаватель, зав. лабораторией, Институт детства ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1; ev.kazennaya@mpgu.edu

Сорокина Юлия Львовна — кандидат психологических наук, доцент, Институт гуманитарного образования и информационных технологий, Российская Федерация, 105264, Москва, ул. Верхняя Пervoмайская, 53; sorokina.yuliya@mail.ru

Ledovaya Ya. A. — Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; y.ledovaya@spbu.ru

Tikhonov R. V. — Postgraduate, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; roman.tikhonov@me.com

Bogolyubova O. N. — PhD, Associate Professor, Visiting Assistant Professor, Clarkson University, Department of Psychology, P.O. Box 5825, Potsdam, NY 13699, USA; obogolyu@clarkson.edu

Kazennaya E. V. — Senior Lecturer, Head of trauma psychology laboratory, Institute of Childhood, Moscow State Pedagogical University, 1/1, M. Pirogovskaya ul., Moscow, 119991, Russian Federation; ev.kazennaya@mpgu.edu

Sorokina Yu. L. — PhD, Associate Professor, The Institute for the Humanities and Information Technologies (IGUMO&IT), 53, Verkhnyaya Pervomayskaya ul., Moscow, 105264, Russian Federation; sorokina.yuliya@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 8.38.351.2015.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

two studies describe the short scale (MD-8) adaptation procedures and the third one describes the longer scale (MD-24) adaptation procedure. It is shown that Cronbach's alpha reliability index as well as the test-retest reliability coefficient are acceptable. Both scales for moral disengagement assessment (MD-8 and MD-24 in Russian) may be used for various purposes. Both scales' questions/statements are provided. Refs 25. Figs 1. Tables 4.

Keywords: moral disengagement, scale adaptation, moral agency, Albert Bandura.

...Если бы была задана психологическая задача: как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодеяния, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы эти люди были губернаторами, смотрителями, офицерами, полицейскими, то есть, чтобы, во-первых, были уверены, что есть такое дело, называемое государственной службой, при котором можно обращаться с людьми, как с вещами, без человеческого, братского отношения к ним, а во-вторых, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны так, чтобы ответственность за последствия их поступков не падала ни на кого отдельно.

Лев Толстой. Воскресение.

Один из вопросов, ответ на который ждет от психологов общество, — это вопрос о том, почему обычные люди, добропорядочные граждане, могут совершать неблагоприятные, а порой и жестокие поступки. В истории психологии одним из самых известных экспериментов стал эксперимент С. Милгрэма, проведенный им с целью выяснить причины, по которым во время Второй мировой войны немецкие военные, подчиняясь своим командирам, совершали многочисленные убийства мирных людей; в частности, Милгрэма волновали причины, сделавшие возможным явление Холокоста. И основная идея его исследований — это идея о роли подчинения авторитету и снятия личной ответственности при получении указания от представителя власти [1]. Ф. Зимбардо, бывший по стечению обстоятельств однокурсником С. Милгрэма в школе одного из районов Нью-Йорка — Бронкса, спустя почти 10 лет после экспериментов Милгрэма в Йельском университете организовал свой легендарный Стенфордский тюремный эксперимент, в результате которого серьезно были пересмотрены этические требования к психологическим исследованиям: из-под контроля исследователей вышло целое искусственно организованное сообщество молодых мужчин, и наделенные властью и оправдывавшие себя вследствие этого участники смогли обесценить и перестать считать равными себе «заключенных», которые оказались зависимыми от их полномочий «тюремщиков» [2]. Развитие идеи подчинения авторитету в результате исследований С. Милгрэма и Ф. Зимбардо подчеркнуло влияние ситуации на поведение личности. И эта линия исследований, проводившихся социальными психологами, по сегодняшний день является одной из значимых парадигм в изучении причин тех человеческих поступков, которые считаются противоречащими моральным нормам.

Помимо социально-ситуационного контекста, существуют внутренние установки личности, когнитивные схемы, с помощью которых человек объясняет для

себя причины своих поступков и свои реакции на поступки других. В русле когнитивно-социального конструктивистского подхода объясняли моральное поведение Ж. Пиаже и Л. Колберг. Концепция Л. Колберга, вслед за идеями Ж. Пиаже, построена вокруг понятия стадильности морального развития, в становлении которого важную роль играют общение, развитие интеллекта и обретение независимости от авторитетных фигур [3–5]. Согласно Л. Колбергу, постконвенциональный уровень морального развития достигается далеко не каждым, поведение многих членов общества регулируется конвенциональным уровнем морали. При этом именно на постконвенциональном уровне морального развития идея авторитетной фигуры никак не довлеет над поступками личности.

Ярким современным представителем когнитивно-социального конструктивистского направления изучения морального поведения является А. Бандура, автор известной с 1960-х годов концепции социального научения, занявшийся в 1980-е годы теорией морального действия (*moral agency*) и издавший в 2016 году, в возрасте 90 лет, обобщающую его опыт и исследования монографию «Отчуждение моральной ответственности: как люди поступают плохо и живут с этим» [6]. А. Бандура подчеркивает важность не гипотетических рассуждений о моральных дилеммах (так изучал моральное поведение Колберг), а изучения реального поведения людей. Саморегуляция морального поведения не является для А. Бандуры полностью интрапсихической категорией; по его мнению, она возникает во взаимодействии с социальной средой, посредством реципрокных интеракций когнитивных, аффективных и социальных процессов [7].

Он описывает восемь механизмов так называемого отчуждения моральной ответственности (рисунок). Само явление отчуждения моральной ответственности (*moral disengagement*) он определяет как механизмы, при помощи которых на разных этапах процесса саморегуляции моральные запреты индивида активируются избирательно и не применяются им к себе (то есть отчуждаются) в ответ на его вредоносное по отношению к окружающим поведение [8]. Это классическое определение, встречающееся практически во всех книгах и статьях А. Бандуры, изложено несколько более образным языком Силией Мур, исследователем из Лондонской школы бизнеса, которая в 2015 г. сделала содержательный и емкий обзор современных исследований данного психологического конструкта: «Отчуждение моральной ответственности означает совокупность из восьми когнитивных механизмов, которые способствуют отъединению внутренних моральных стандартов от действий человека, облегчают его вовлеченность в неэтичное поведение и помогают не переживать при этом стресс» [9].

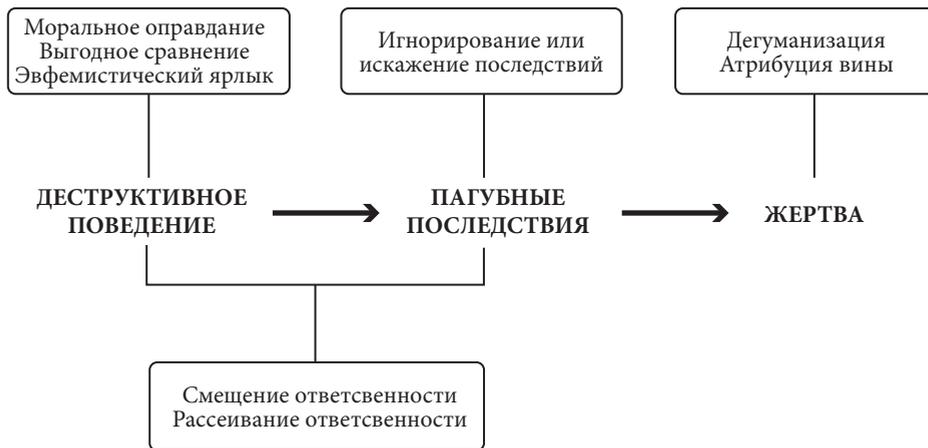
Восемь механизмов отчуждения моральной ответственности А. Бандура относит к четырем группам (локусам): это непосредственно поведение, личностный локус актора, локус переформулирования последствий поведения и локус искажения образа жертвы жестокого поведения. Поведенческий локус действует через три механизма:

1. *Моральное оправдание* (*moral justification*): применение этого механизма основано на использовании оправданий морального, социального или экономического характера для того, чтобы обосновать моральность своих поступков. Например, «Выживание нашей страны зависит от изгнания этих людей» или «Бог требует, чтобы я убил этих людей».

2. *Эвфемистический ярлык* (euphemistic labelling): использование специальным образом подобранных выражений может существенно поменять отношение к осуществляемым жестоким поступкам. Например, словосочетания «точечный удар» или «косвенный ущерб» могут снизить разрушительность тех действий, которые они маркируют.

3. *Выгодное сравнение* (advantageous comparison): сравнивая свои поступки с существенно более предосудительными, можно снизить впечатление об их вредности. Например, «меньшее из двух зол», «великая революция в свое время потребовала куда больших жертв».

Локус актора задействует смещение или умышленное размывание вины ответственного за деструктивное поведение. Он включает в себя два механизма:

Механизмы отчуждения моральных запретов индивида, активирующиеся в ответ на его деструктивное поведение [9]

1) *смещение ответственности* (displacement of responsibility) происходит, когда актер относит причины совершаемых им действий на счет социального давления более авторитетного, чем он, лица и минимизирует собственную активность. Например, наемный палач может сказать, что он подчинился приказу.

2) *рассеивание ответственности* (diffusion of responsibility) — это распространенный прием разделения вины, имевший место, например, среди сотрудников концентрационных лагерей или тюремщиков, которые представляют свои действия «просто элементами огромной системы».

Локус, позволяющий переформулировать последствия поведения, задействует механизм *искажения или игнорирования последствий вредоносного поведения* (disregard or distortion of consequences). Например, совершивший аморальный поступок человек может отрицать, что кто-то серьезно пострадал, или убеждать, что нанесенный вред пошел даже на пользу и «закалил» пострадавшего. Так, в примере, приводимом А. Бандурой (цит. по: [10]), католические иерархи относились к случаям растления детей среди служителей церкви как к самому собой разумеющемуся, а проводя аналогию с российскими реалиями, нельзя не вспомнить русскую поговорку «бьет — значит любит», оправдывающую семейное насилие.

К локусу, искажающему образ жертвы жестокого поведения, относятся два механизма:

1) *дегуманизация* (dehumanization), при использовании этого механизма пострадавший мысленно или вербально приравнивается к представителю более низкой ступени эволюции, животному или даже насекомому, лишенному эмоций и собственных смыслов, возможности переживать боль и т. п.; нанеся урон, актер едва ли не совершает благое дело.

2) *атрибуция вины* (attribution of blame), при использовании этого механизма совершающий жестокий поступок человек описывает себя как «жертву» настоящей жертвы, указывая на «провокацию». Например: «Она сама попросила об этом», «Он меня сам заставил так поступить» [10, 11].

Если концепция Л. Колберга строилась вокруг стадий морального развития и постепенного движения от интериоризации условной авторитетной фигуры, которая может наказывать за неодобряемое поведение, к абстрагированию и неиспользованию образа каких бы то ни было референтных фигур на постконвенциональной стадии морального развития, в концепции А. Бандуры подчеркивается скорее ситуативность и процессуальность механизма отчуждения моральной ответственности. Кроме того, он описывает восемь разных механизмов, которые могут быть активированы внешними обстоятельствами.

Начиная с 1990-х гг. А. Бандура, его коллеги и последователи изучали понятие отчуждения моральной ответственности в целом ряде контекстов: в связи с агрессивностью и травлей сверстников в подростковой среде [12, 13], в связи с организацией группировок заключенных в тюрьмах [14], для исследования причин неэтичного поведения в организациях [15], для изучения факторов приема спортсменами допинга [16], а также для оценки связанности с враждебным отношением к «чужакам» — представителям иных культур и при этом — превознесении «своих», а также для оправдания военных действий на территории чужой страны [17, 18].

Сам А. Бандура занимался исследованиями подростковой агрессии [12], в последнее время он также уделяет внимание вопросам объяснения причин терроризма [6, 19].

Известно несколько инструментов оценки уровня функционирования механизмов отчуждения моральной ответственности. Большая часть из них была разработана для специфических выборок. Первый опросник был опубликован в 1996 г., исследование проводилось в Италии и было посвящено причинам и механизмам жестокого и антисоциального поведения среди подростков. В нем было показано, что те, кто мысленно отчуждает применение моральных санкций к себе, склонны вести себя агрессивно, наносить вред окружающим и чаще думают о мести [12]. В 2001 г. Альфред МакАлистер опубликовал данные, согласно которым американские студенты с большим или с меньшим энтузиазмом поддерживали военные действия США и НАТО в Ираке и Югославии в зависимости от уровня отчуждения моральной ответственности. Для оценки уровня морального отчуждения он разработал специфическую шкалу, вопросы которой были сформулированы с точки зрения приемлемости применения военной силы в целях национальной или мировой безопасности [18]. В 2006 г. соавтор А. Бандуры в проекте по составлению первого опросника Джан Витторио Капрара разработал шкалу отчуждения моральной ответственности в области гражданского поведения (*civic moral disengagement*), во-

просы которой касались, например, отношения к загрязнению окружающей среды или к коррупции. Было показано, что высокие баллы по этой шкале чаще получают мужчины (аналогичные результаты получили МакАлистер и Бандура с соавторами) и что баллы по этой специфической шкале коррелировали с оценками по «общей» шкале отчуждения моральной ответственности, разработанной А. Бандурой и его итальянскими коллегами [20].

Также в 2009 г. было опубликовано исследование Джейн Вуд с соавторами, в котором они при помощи модифицированного опросника А. Бандуры и соавторов исследовали склонность к буллингу и созданию группировок в британских тюрьмах в связи с уровнем отчуждения моральной ответственности заключенных [14]. Они показали, что наиболее вовлеченные в создание тюремных группировок заключенные чаще обнаруживались среди тех, кто дольше находился в тюремной системе, был виновен в буллинге (травле других заключенных) и имел высокий уровень отчуждения моральной ответственности. Кроме того, их данные свидетельствовали о том, что отчуждение моральной ответственности частично опосредует отношение между инициированием буллинга и активностью в тюремных группировках.

В 2012 г. Силия Мур опубликовала с соавторами большое исследование, состоявшее из нескольких этапов, в котором был валидизирован опросник, оценивающий уровень отчуждения моральной ответственности в организационном контексте, а также были описаны поведенческие корреляты этой склонности. Авторы смогли показать, что склонность отключать моральную оценку собственных неблагоприятных поступков является предиктором неэтичного поведения (на основе самоотчета и экспертной оценки со стороны руководителя и коллег респондента), совершения подлогов и махинаций, принятия решений в свою пользу в рабочем контексте. Этот опросник имеет три формы: 8, 16 и 24 вопроса. Все три хорошо выявляют указанный конструкт, кроме того, именно этот опросник описывает наиболее общие жизненные ситуации, не привязанные к специфическому контексту, и его можно использовать для оценки разнообразных выборок [15].

Наконец, в 2016 г. вышло исследование, показывающее эффективность короткой шестивопросной шкалы отчуждения моральной ответственности в связи с оценкой готовности применять допинг. Изучалось поведение и самоотчеты британских спортсменов. Было показано, что уровень отчуждения моральной ответственности положительно связан с сообщаемой в самоотчетах вероятностью приема запрещенных препаратов [16].

В русскоязычном психологическом пространстве понятие отчуждения моральной ответственности практически не исследуется, хотя на сегодня существует целый список социально значимых тем и общественных дискуссий, для объяснения причин которых именно различные механизмы морального отчуждения могли бы стать наиболее релевантными. Здесь уместно упомянуть проблематику «обыденности» насилия (имевший большой резонанс в социальных медиа летом 2016 г. вопрос о традиционном для нашего общества замалчивании случаев насилия, жертвы которого высказывались, сопровождая свои истории хештегом «яне боюсь сказать»), вопросы геополитических разногласий между Россией и другими государствами ближнего и дальнего зарубежья (нередко подаваемых СМИ в рамках дискурса «свои — чужие», «они — мы»), проблематика легитимности выбо-

ров в Российский парламент (например, [21]) и некоторые другие. Мы не смогли найти в русскоязычной научной литературе примеров исследований феномена отчуждения моральной ответственности со ссылками на подход и инструменты, развиваемые Альбертом Бандурой и последователями его идей. Примером исследования схожей феноменологии является статья И. Знаменской и коллектива соавторов, описывающая экспериментальное исследование феномена нравственного отношения к «чужим» у взрослых, в котором применялся метод решения моральных дилемм в ситуации индуцированного кратковременного стресса. В этом исследовании было показано достоверное регрессирование к более ранним, «детским» формам поведения в ситуации морального выбора при стрессе: испытуемые поддерживали условного «своего», даже если он поступал несправедливо [22]. Эти результаты можно сопоставить с данными, полученными в упоминаемых нами выше исследованиях МакАлистера [18] и Ляйднера [17].

Таким образом, около 13 лет назад было введено новое понятие, описывающее общий механизм (отчуждение моральной ответственности), который конструируется в опыте и защищает самооценку индивида за счет неприменения к себе внутренних моральных санкций в условиях противоречия собственного поведения общепринятым моральным нормам. Кроме того, было создано несколько инструментов оценки уровня функционирования этого механизма в разных социальных ситуациях. Для оценки уровня отчуждения моральной ответственности в широком спектре исследовательских задач и при работе с разнообразными выборками можно использовать опросник С. Мур и коллег.

Цель данной статьи — представить результаты предварительного исследования адаптации двух русифицированных версий (состоящих из 8 и 24 вопросов) опросника отчуждения моральной ответственности, созданного и валидизированного С. Мур и ее коллегами на основе теории А. Бандуры.

Метод

Исследование 1. Психометрические свойства короткой версии опросника MD-8

В данном исследовании использовался опубликованный в 2012 г. опросник [15]. На первом этапе был осуществлен двойной перевод восьми вопросов (каждый предназначался для оценки одного из восьми механизмов морального отчуждения, степень согласия с утверждениями оценивается отвечающим по 7-балльной шкале Ликерта). Перевод с русского языка на английский показал высокую степень сходства оригинала и результата обратного перевода.

Первое эмпирическое исследование короткой шкалы MD-8

Выборка. В проверке тест-ретестовой надежности короткой шкалы участвовали 74 студента факультета психологии СПбГУ (возраст от 17 до 34 лет. Средний возраст — 19,84 ($y = 2,78$), 89,5 % — женщины).

Процедура. Данные были собраны во время весеннего семестра 2015 г. на факультете психологии СПбГУ на занятиях в трех студенческих группах разных годов обучения. Через три недели в тех же группах для сбора ретестовых данных проводилась аналогичная процедура. Респонденты были оповещены о том, что

участвуют в процедуре апробации методик, которые в дальнейшем планируется использовать при проведении крупного международного онлайн-исследования поведения пользователей социальных сетей и влияния стресса на их личностные и поведенческие особенности. Помимо шкалы отчуждения моральной ответственности участники заполняли еще несколько коротких опросников (шкала психологического благополучия ВОЗ-5, «Темная триада» и др.), отобранных для максимально оперативного онлайн-тестирования пользователей социальных сетей в основном исследовании.

Результаты первого эмпирического исследования короткой шкалы (табл. 1) были опубликованы в 2015 г. [11]. Среднее значение по шкале отчуждения моральной ответственности ($n = 74$) составило 2,43 ($y = 0,69$).

Таблица 1. Средние значения и согласованность шкалы отчуждения моральной ответственности в трех исследованиях

Выборка	Версия опросника	Размер выборки	Среднее значение по шкале	Стандартное отклонение	Альфа Кронбаха
Студенты факультета психологии СПбГУ	MD-8	74	2,43	0,69	—
Пользователи сети «Фейсбук»	MD-8	6724	2,75	0,80	0,68
Студенты факультетов психологии разных вузов	MD-24	141	3,15	0,88	0,88

Тест-ретестовая надежность краткой шкалы отчуждения моральной ответственности составила 0,8 ($n = 46$), что является достаточно высоким показателем [23]. Оценка согласованности пунктов шкалы в этом исследовании не проводилась в связи с небольшим объемом выборки.

В исследовании была обнаружена умеренная положительная взаимосвязь между выраженностью отчуждения моральной ответственности и параметром неклинической психопатии, одной из шкал опросника «Темная триада» ($r_s = 0,46$, $p < 0,001$). Также была обнаружена слабая корреляция макиавеллизма со шкалой отчуждения моральной ответственности ($r_s = 0,24$, $p = 0,039$).

Второе эмпирическое исследование короткой шкалы MD-8

Выборку составили 6724 русскоязычных пользователя социальной сети «Фейсбук» (77,9% — женщины), возраст участников от 18 до 85 лет, средний возраст — 44,96 ($\sigma = 11,58$). 86,8% используют «Фейсбук» хотя бы один раз в день. 79,9% трудоустроены, 78,6% имеют высшее образование. Этический комитет СПбГУ одобрил дизайн онлайн-исследования. Каждый испытуемый, приступая к заполнению серии опросников, подтверждал свое желание участвовать нажатием клавиши в браузере после ознакомления с краткой формой информированного согласия.

Процедура. В рамках международного онлайн-проекта, посвященного исследованию уровня психологического благополучия и влиянию стресса на ряд личностных особенностей пользователей социальных сетей, с помощью специально созданного приложения, распространяемого в социальной сети «Фейсбук», были собраны ответы пользователей на вопросы об их поведении в сети, а также ответы на вопросы ряда личностных опросников (это были те же опросники, которые исполь-

зовались в первом эмпирическом офлайн-исследовании). Кроме того, с согласия пользователей программа собирала тексты, публикуемые ими в открытом доступе (впоследствии эти тексты обрабатывались лингвистическими инструментами, помогающими выявить их эмоциональную специфику и связь с психологическими переменными). В качестве благодарности от исследователей участники получали краткую обратную связь в виде интерпретации результатов трех опросников. Это были короткие описания, составленные для получивших высокие, средние и низкие баллы (баллы подсчитывались программой автоматически и сопоставлялись с найденными в литературе среднестатистическими данными). Возможность получения обратной связи, по нашему мнению, можно считать фактором, минимизирующим проявление намеренных искажений в ответах испытуемых. Ссылка на приложение с опросником распространялась в рамках оплачиваемой рекламной кампании среди русскоязычных пользователей сети «Фейсбук», проживающих на территории России, аналогичной коммерческим рекламным кампаниям. Сбор данных длился в течение двух недель в ноябре 2015 г. Среди 61 вопроса, заданного участникам, было 8 вопросов из краткой шкалы отчуждения моральной ответственности. В данной статье рассматриваются результаты, полученные по этой шкале.

Результаты второго эмпирического исследования короткой шкалы: средний уровень отчуждения моральной ответственности в этой выборке составил 2,75 ($\sigma=0,80$). У мужчин это значение несколько выше ($M=2,93$; $\sigma=0,83$; $n=1487$), чем у женщин ($M=2,70$; $\sigma=0,78$; $n=5273$). Различия являются статистически значимыми ($U=2359186$, $p<0,001$, $d=0,24$).

В табл. 2 приведены результаты показателя отчуждения моральной ответственности среди мужчин и женщин разных возрастных групп. В целом уровень этого параметра с возрастом снижается, об этом говорит коэффициент корреляции $r_s=-0,121$, $p<0,001$.

Таблица 2. Средние значения показателей шкалы MD-8 у пользователей социальной сети «Фейсбук» разного возраста (N=6724)

Возраст	Мужчины			Женщины		
	n	M	SD	n	M	SD
18–24	30	3,34	1,17	221	2,86	0,83
25–44	534	3,02	0,83	2355	2,78	0,78
45–64	782	2,89	0,80	2213	2,61	0,77
65–85	95	2,71	0,85	215	2,50	0,74

Уровень внутренней согласованности шкалы был измерен с помощью коэффициента альфа Кронбаха, который составил 0,68. Этот уровень надежности несколько ниже установленного конвенционального порога в 0,7, считающегося достаточным уровнем внутренней согласованности [23]. Показатели согласованности вопросов шкалы приведены в табл. 3.

Была обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь среднего балла по шкале отчуждения моральной ответственности со шкалами макиавеллизма ($r_s(6724)=0,424$, $p<0,001$) и неклинической психопатии ($r_s(6724)=0,418$, $p<0,001$) из опросника «Темная триада».

Таблица 3. Показатели внутренней согласованности шкалы MD-8 (N = 6724)

Пункт шкалы	Среднее по шкале при исключении пункта	Дисперсия шкалы при исключении пункта	Скорректированная корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при исключении пункта
1	2,45	0,52	0,37	0,65
2	2,52	0,55	0,38	0,65
3	2,31	0,48	0,40	0,64
4	2,40	0,51	0,37	0,65
5	2,43	0,52	0,39	0,64
6	2,49	0,52	0,41	0,64
7	2,36	0,47	0,40	0,64
8	2,27	0,52	0,27	0,67

Исследование 2. Психометрические свойства длинной версии опросника MD-24

В данном исследовании был также использован опубликованный в 2012 г. опросник [15]. Был осуществлен двойной перевод оставшихся 16 из 24 вопросов опросника. 8 вопросов, составивших краткую подшкалу, были переведены в 2015 г. и описаны выше. Таким образом, для оценки каждого из восьми механизмов морального отчуждения предназначалось по 3 вопроса. Степень согласия с утверждениями оценивался отвечающим по 7-балльной шкале Ликерта. Перевод с русского языка на английский показал высокую степень сходства оригинала и результата обратного перевода.

Выборку исследования составили студенты ($n = 141$; возраст от 17 до 40 лет; ср. возраст: 19,47; 87 % — женщины) очных отделений факультетов психологии трех вузов — СПбГУ, АНО ВО «Институт гуманитарного образования и информационных технологий» (Москва), Институт детства МПГУ (Москва). Из них 87 участников заполняли опросник дважды с промежутком в две недели.

Процедура. Несколько психологических опросников, в том числе шкала психологического благополучия ВОЗ-5, шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера SWLS, опросник TOSCA-3 (Test of Self-Conscious Affect — Version 3, «Тест эмоций самоосознания»), проходивший в этом исследовании этап адаптации, и шкала MD-24, заполнялись участниками через онлайн-форму. Студенты участвовали в исследовании по просьбе преподавателей. Опрос осуществлялся в мае и июне 2016 г.

Результаты. Средний уровень отчуждения моральной ответственности в этой выборке составил 3,15 ($y = 0,88$). Опросник обладает достаточным уровнем устойчивости результатов во времени (ретестовая надежность $r_s(88) = 0,799$, $p < 0,001$).

Уровень внутренней согласованности шкалы был измерен с помощью коэффициента альфа Кронбаха, который составил 0,88.

Обсуждение результатов

Было проведено 3 исследования, направленных на адаптацию двух шкал, измеряющих уровень отчуждения моральной ответственности — короткой и длинной

версии, — предложенных С. Мур на основе теории А. Бандуры. Ниже представлено обсуждение отдельных этапов адаптации опросников.

Обсуждение результатов первого эмпирического исследования короткой шкалы MD-8

Среднее значение по шкале отчуждения моральной ответственности MD-8 в первом исследовании ($n=74$) составило 2,43 ($\sigma=0,69$). Данные результаты сопоставимы с результатами, ранее полученными С. Мур и коллегами [15] на выборке американских студентов ($M=2,79$, $\sigma=0,87$; средний возраст 19,1) и слушателей международной программы MBA ($M=2,12$, $\sigma=0,77$; средний возраст 28,5). При этом обе выборки С. Мур состояли более чем наполовину из мужчин, а в российской выборке доля женщин составила 89,5%. Мужчины чаще получают более высокие оценки по этой шкале [12, 18, 20].

В данном исследовании обнаружена умеренная взаимосвязь между выраженностью отчуждения моральной ответственности и параметром неклинической психопатии, одной из шкал опросника «Темная триада». Данные, полученные Винсентом Иганом и коллегами [24], показали близкие значения коэффициента корреляции ($r=0,49$, $p<0,001$; возраст испытуемых от 18 до 83 лет, средний возраст — 37,99 ($\sigma=16,50$), 71,3% — женщины). Этот результат можно объяснить тем, что некоторые вопросы шкалы психопатии и шкалы отчуждения моральной ответственности направлены на выявление достаточно схожих установок и поведенческих паттернов, эти конструкты не тождественны, но близки.

Кроме того, была обнаружена слабая корреляция макиавеллизма со шкалой отчуждения моральной ответственности ($r=0,24$, $p=0,039$). В исследовании Игана и коллег [24] со шкалой отчуждения моральной ответственности также коррелировала шкала макиавеллизма ($r=0,41$, $p<0,001$). По содержанию вопросов обеих шкал (например: «Почти всеми людьми можно манипулировать» — шкала макиавеллизма и «С некоторыми людьми необходимо обходиться без церемоний, потому что у них нет тех чувств, которые можно задеть», — шкала отчуждения моральной ответственности) можно предположить, что природа этих двух конструктов довольно схожа. В нашем исследовании была обнаружена только слабая корреляция макиавеллизма со шкалой отчуждения моральной ответственности ($r=0,24$, $p=0,039$). Возможным объяснением этого факта может быть то, что в выборке участвовали молодые люди, студенты факультета психологии, преимущественно женщины, а в исследовании Игана и коллег — это были студенты, работающие по найму взрослые люди и пенсионеры, выборка была более сбалансированной по полу. Существуют данные, согласно которым макиавеллизм чаще более ярко проявляется у мужчин [25], а в нашей выборке подавляющее число составляли молодые женщины, студентки факультета психологии.

Обсуждение результатов второго эмпирического исследования короткой шкалы MD-8

Данный опросник был использован С. Мур и коллегами на нескольких выборках британских и американских участников (студентов университетов, слушателей курсов MBA и участников, посетивших университетскую лабораторию). Как было указано выше, результаты по этой шкале варьировали от 2,12 до 2,79 и в целом

сопоставимы с данными российских участников. Необходимо, однако, иметь в виду, что средний возраст российских участников этого исследования существенно выше, чем в двух выборках в США.

Данные, собранные среди мужчин и среди женщин, значимо отличаются: у мужчин показатель морального отчуждения выше. Этот результат согласуется с известными данными, полученными на аналогичных шкалах, измеряющих уровень отчуждения моральной ответственности [12, 18, 20].

Среди мужчин и женщин разных возрастных групп уровень отчуждения моральной ответственности с возрастом снижается. Мы не находили масштабных исследований с участием больших групп испытуемых, в которых бы выделялись группы разного возраста. Можно выдвинуть предположение, что в российской выборке опыт мысленного применения моральных запретов к себе и своему поведению более близок представителям старшего поколения, жившего в эпоху большой идеологической нагрузки и навязанных идеалов, которым необходимо было следовать, иногда под угрозой разнообразных видов наказания. Но данное предположение нуждается в дополнительной проверке.

Уровень внутренней согласованности шкалы на выборке пользователей сети «Фейсбук» оказался достаточно низким. С одной стороны, это может быть связано с тем, что каждый вопрос представляет собой один из механизмов отчуждения моральной ответственности, имеющих под собой различные основания. Восемь механизмов, объединенных в четыре локуса, вариативно описывают разные стороны одного сложноорганизованного явления, имеющего множественную природу и включающего в себя совокупность когнитивных, аффективных и социальных причин. С другой стороны, низкая согласованность может быть обоснована спецификой самой выборки, которая оказалась большой по объему (6724 человек) и крайне гетерогенной по составу участников.

Статистически значимая положительная взаимосвязь шкалы отчуждения моральной ответственности со шкалами макиавеллизма и неклинической психопатии из опросника «Темная триада» согласуется сопоставимой по возрасту и полу выборкой В. Игана и коллег [24]. Конструктивная валидность понятия «Отчуждение моральной ответственности», таким образом, может быть показана через связь с поведенчески близкими явлениями психопатии и макиавеллизма. В частности, с макиавеллизмом сильнее всего связаны вопросы 1 и 7, а с психопатией — 1, 2, 3, 6 и 7 (табл. 4). Также была обнаружена слабая положительная корреляция с самоотчетом об агрессивном поведении в Интернете. Выводом может стать то, что конструкт «отчуждения моральной ответственности» включает в себя стратегии, которые могут использоваться в разных комбинациях.

Кроме того, было обнаружено, что из всего списка вопросов короткой шкалы вопросы 3, 6 и 7 сильнее всего коррелируют с итоговым значением шкалы отчуждения моральной ответственности (см. табл. 3).

При этом последний вопрос менее всего коррелирует с общей шкалой. При его исключении из списка вопросов согласованность всей шкалы повышается.

Можно предположить, что отношение к сути вопроса «Люди, с которыми плохо обращаются, обычно сами совершают что-то такое, что провоцирует это» является менее внутренне осуждаемым респондентами. И этот результат может быть интерпретирован как возможная принимаемая культурная установка,

Таблица 4. Взаимосвязь вопросов шкалы отчуждения моральной ответственности со шкалами «Темной триады» и самоотчетом об агрессивном поведении в Интернете

Вопрос шкалы	Нарциссизм	Макиавелизм	Психопатия	Агрессия в Интернете
1	0,11***	0,32***	0,34***	0,13***
2	0,06***	0,15***	0,29***	0,13***
3	0,17***	0,28***	0,27***	0,11***
4	0,01	0,20***	0,13***	0,01
5	-0,01	0,13***	0,14***	0,01
6	0,09***	0,20***	0,23***	0,05***
7	0,13***	0,34***	0,34***	0,14***
8	0,12***	0,23***	0,17***	0,03***
Суммарный балл по шкале	0,17***	0,42***	0,42***	0,14***

Примечание: $n=6724$. *** $p < 0,001$.

реакцией на которую стал в том числе флешмоб против замалчивания насилия «янебоюсьсказать».

Обсуждение результатов эмпирического исследования длинной шкалы MD-24

Средние показатели длинной шкалы MD-24 (3,15 ($\sigma=0,88$)) выше, чем показатели по короткой шкале MD-8 (2,43 ($\sigma=0,69$)), причем оба результата были получены на выборках студентов факультетов психологии. Данный факт согласуется с результатами, полученными С. Мур и коллегами (2,99 ($\sigma=0,88$) для MD-24 и 2,57 ($\sigma=0,99$) для MD-8). Возможно, большее количество предполагаемых ситуаций в длинной шкале провоцирует более яркое проявление отчуждения моральной ответственности у испытуемых.

Коэффициент согласованности шкалы альфа Кронбаха высок — 0,9, что также было показано С. Мур при сопоставлении двух версий шкалы отчуждения моральной ответственности (в ее исследовании шкала MD-24 имела коэффициент внутренней согласованности 0,9) [15]. Можно связать этот факт с увеличением количества вопросов в шкале.

Выводы

Отчуждение моральной ответственности — важный психологический конструкт, применение которого к описанию и объяснению разнообразных социально-психологических феноменов может быть весьма продуктивным. В данной статье описана процедура адаптации англоязычного опросника — короткой и длинной шкал отчуждения моральной ответственности. В целом психометрические показатели — тест-ретестовая надежность и коэффициент внутренней согласованности шкал — находятся на приемлемом уровне. Относительно невысокий уровень значения коэффициента альфа Кронбаха для короткой шкалы в 8 вопросов (см. табл. 1) мы объясняем как малым количеством вопросов в шкале, так и гетерогенностью самого конструкта, который имеет 8 механизмов. Конструктная валидность шкал проверялась с помощью близких по поведенческим проявлениям

конструктов макиавеллизма и неклинической психопатии, а также данных о самоотчетах об агрессивном поведении в Интернете. Обе версии — короткая и длинная шкалы отчуждения моральной ответственности на русском языке — могут быть использованы для оценки конструкта в различных задачах.

Литература

1. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 242 с.
2. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ.: А. Стагивка. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
3. Kohlberg L. The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral Stages // Essays on Moral Development / ed. by L. Kohlberg. Vol. 2: The Philosophy of Moral Development. San Francisco: Harper & Row Publishers. 1984. 768 p.
4. Аncyфeрoвa Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 5–17.
5. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. М.: Институт психологии РАН, 2011. 284 с.
6. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. New York, NY: Worth Publishers, 2016. 446 p.
7. Bandura A. Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of moral education. 2002. Vol. 31, N 2. С. 101–119.
8. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc, 1985. 544 p.
9. Moore C. Moral disengagement // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 6. P. 199–204.
10. Sternberg R. J. When Good, Not So Good, and Downright Evil People Do Bad Things: A Review of Moral Disengagement. URL: <http://www.apa.org/international/pi/2016/03/moral-disengagement.aspx> (дата обращения: 10.09.2016)
11. Ледовая Я. А., Боголюбова О. Н., Тихонов П. В. Стресс, благополучие и Темная триада // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.08.2016).
12. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71, N 2. P. 364–374.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior // Aggressive Behavior. 2013. Vol. 40, N 1. P. 56–68.
14. Wood J., Moir A., James M. Prisoners' gang-related activity: the importance of bullying and moral disengagement // Psychology, Crime & Law. 2009. Vol. 15, N 6. P. 569–581.
15. Moore C., Detert J. R., Baker V. L., Mayer D. M. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement And Unethical Organizational Behavior // Personnel Psychology. 2012. Vol. 65, N 1. P. 1–48.
16. Kavussanu M., Hatzigeorgiadis A., Elbe A.-M., Ring C. The moral disengagement in doping scale // Psychology of Sport and Exercise. 2016. Vol. 24. P. 188–198.
17. Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. Ingroup Glorification, Moral Disengagement, and Justice in the Context of Collective Violence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36, N 8. P. 1115–1129.
18. McAlister A. L. Moral Disengagement: Measurement and Modification // Journal of Peace Research. 2001. Vol. 38, N 1. P. 87–99.
19. Bandura A. The role of selective moral disengagement in terrorism and counterterrorism // Understanding terrorism: Psychosocial roots, consequences, and interventions / eds F. M. Moghaddam, A. J. Marsella. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2004. P. 121–150.
20. Caprara G. V., Fida R., Vecchione M., Tramontano C., Barbaranelli C. Assessing civic moral disengagement: dimensionality and construct validity // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47, N 5. P. 504–509.
21. Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field experiment estimate of electoral fraud in Russian parliamentary elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 110, N 2. P. 448–452.

22. Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 44–58.
23. Купер К. Индивидуальные различия. М.: Аспект Пресс, 2000. 527 с.
24. Egan V., Hughes N., Palmer E. J. Moral disengagement, the dark triad, and unethical consumer attitudes // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. P. 123–128.
25. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паришкова О. В. Адаптация короткого опросника «Темной триады» // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.09.2016).

Для цитирования: Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н., Казенная Е. В., Сорокина Ю. Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 23–39.
DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402

References

1. Milgrem S. *Podchinenie avtoritetu. Nauchnyi vzgliad na vlast' i moral'* [Obedience to Authority: An Experimental View]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2016. 242 p. (In Russian)
2. Zimbardo F. *Effekt Liutsifera. Pochemu khoroshie liudi prevrashchaiutsia v zlodeev* [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]. Transl. from Engl. by A. Stativk. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2013. 740 p. (In Russian)
3. Kohlberg L. The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral Stages. *Essays on Moral Development*. Ed. by L. Kohlberg. Vol. 2: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, Harper & Row Publishers, 1984. 768 p.
4. Antsyferova L. I. Sviaz' moral'nogo soznaniia s nraivstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovaniia Lourensa Kolberga i ego shkoly) [An association between moral consciousness and human moral behavior (based on research by Lawrence Kohlberg)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1999, vol. 20, no. 3, pp. 5–17. (In Russian)
5. Gulevich O. A. *Sotsial'naia psikhologiiia spravedlivosti* [Social psychology of justice]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2011. 284 p. (In Russian)
6. Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves*. New York, NY, Worth Publishers, 2016. 446 p.
7. Bandura A. Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of moral education*, 2002, vol. 31, no. 2, pp. 101–119.
8. Bandura A. *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, Inc, 1985. 544 p.
9. Moore C. Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 2015, vol. 6, pp. 199–204.
10. Sternberg R. J. *When Good, Not So Good, and Downright Evil People Do Bad Things: A Review of Moral Disengagement*. Available at: <http://www.apa.org/international/pi/2016/03/moral-disengagement.aspx> (accessed: 10.09.2016).
11. Ledovaia Ia. A., Bogolyubova O. N., Tikhonov R. V. Stress, blagopoluchie i Temnaia triada [Stress, Well-being and the Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, vol. 8, no. 43. P. 5. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 15.08.2016).
12. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, vol. 71, no. 2, pp. 364–374.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 2013, vol. 40, no. 1, pp. 56–68.
14. Wood J., Moir A., James M. Prisoners' gang-related activity: the importance of bullying and moral disengagement. *Psychology, Crime & Law*, 2009, vol. 15, no. 6, pp. 569–581.
15. Moore C., Detert J. R., Baker V. L., Mayer D. M. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement and Unethical Organizational Behavior. *Personnel Psychology*, 2012. vol. 65, no. 1, pp. 1–48.
16. Kavussanu M., Hatzigeorgiadis A., Elbe A.-M., Ring C. The moral disengagement in doping scale. *Psychology of Sport and Exercise*, 2016, vol. 24, pp. 188–198.
17. Leidner B, Castano E, Zaiser E, Giner-Sorolla R. Ingroup Glorification, Moral Disengagement, and Justice in the Context of Collective Violence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010, vol. 36, no. 8, pp. 1115–1129.

18. McAlister A. L. Moral Disengagement: Measurement and Modification. *Journal of Peace Research*, 2001, vol. 38, no. 1, pp. 87–99.
19. Bandura A. The role of selective moral disengagement in terrorism and counterterrorism. *Understanding terrorism: Psychosocial roots, consequences, and interventions*. Eds F. M. Moghaddam, A. J. Marsella. Washington, DC, US, American Psychological Association Publ., 2004, pp. 121–150.
20. Caprara G. V., Fida R., Vecchione M., Tramontano C., Barbaranelli C. Assessing civic moral disengagement: dimensionality and construct validity. *Personality and Individual Differences*, 2009, vol. 47, no. 5, pp. 504–509.
21. Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field experiment estimate of electoral fraud in Russian parliamentary elections. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, vol. 110, no. 2, pp. 448–452.
22. Znamenskaya I. I., Markov A. V., Bakhchina A. V., Aleksandrov Yu. I. Otnoshenie k «chuzhim» pri strese: sistemnaia dedifferentsiatsiia [Attitude toward «others» under stress: system dedifferentiation]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2016, vol. 37, no. 4, pp. 44–58. (In Russian)
23. Kuper K. *Individual'nye razlichiiia [Individual difference]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 527 p. (In Russian)
24. Egan V., Hughes N., Palmer E. J. Moral disengagement, the dark triad, and unethical consumer attitudes. *Personality and Individual Differences*, 2015, vol. 76, pp. 123–128.
25. Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Adaptatsiia Korotkogo oprosnika Temnoi triady [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, vol. 8, no. 43, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 02.09.2016)

For citation: Ledovaya Y. A., Tikhonov R. V., Bogolyubova O. N., Kazennaya E. V., Sorokina Y. L. Moral Disengagement: the Psychological Construct and its Measurement. *Vestnik SPbSU. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 4, pp. 23–39. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2016 г.;
принята в печать 11 октября 2016 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Короткая и длинная шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 и MD-24

Перед Вами — 8 (24) утверждений, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться. Используя шкалу от 1 до 7, обозначьте степень своего согласия с каждым утверждением, поставив соответствующую цифру рядом с ним. Пожалуйста, будьте искренни и честны в Ваших ответах. Шкала от 1 до 7 такова:

1 = совершенно не согласен; 2 = не согласен; 3 = скорее не согласен; 4 = не могу сказать, согласен или не согласен; 5 = скорее согласен; 6 = согласен; 7 = совершенно согласен.

Краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8

1. Распространять сплетни для защиты тех, кто тебе дорог, — совершенно нормально.
2. Взять что-то без разрешения владельца — в порядке вещей, если берешь лишь на время.
3. Принимая во внимание то, как люди ошибаются в себе самих, едва ли можно считать грехом небольшое преувеличение информации о своих заслугах.
4. Люди не должны отвечать за совершение каких-то спорных поступков, когда они просто делали то, что указывала им делать некая авторитетная фигура.
5. Нельзя обвинять людей за совершение формально некорректных поступков, когда все их друзья делают то же самое.
6. Выдавать чужие идеи за свои — не такой уж и серьезный проступок.
7. С некоторыми людьми необходимо обходиться без церемоний, потому что у них нет тех чувств, которые можно задеть.
8. Люди, с которыми плохо обращаются, обычно сами совершают что-то такое, что провоцирует это.

Длинная версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-24

1. Распространять сплетни для защиты тех, кто тебе дорог, — совершенно нормально.
2. Обманывать, чтобы уберечь своих друзей от неприятностей, — нормально.
3. Иногда необходимо поступать нечестно, чтобы достигать благородных целей.
4. Взять что-то без разрешения владельца — в порядке вещей, если берешь лишь на время.
5. Совершенно нормально скрыть некоторые факты, чтобы доказать что-то свое.
6. Когда вы ведете переговоры, чтобы получить то, чего действительно хотите, то не рассказать всех подробностей — просто часть игры.
7. Принимая во внимание то, как люди ошибаются в себе самих, едва ли можно считать грехом небольшое преувеличение информации о своих заслугах.
8. По сравнению с другими незаконными вещами, которые делают люди, взять в магазине что-то небольшое и не заплатить — не стоит того, чтобы переживать об этом.
9. Нанести ущерб какой-то собственности — невелика беда, если подумать о том, что другие вообще нападают на людей.
10. Люди не должны отвечать за совершение каких-то спорных поступков, когда они просто делали то, что указывала им делать некая авторитетная фигура.
11. Нельзя обвинять людей в плохом поведении, если это происходит под давлением их друзей.
12. Нельзя обвинять людей в нарушениях правил, если этому их научили руководители.
13. Нельзя обвинять людей за совершение формально некорректных поступков, когда все их друзья делают то же самое.
14. Обмануть — вполне допустимо, если окружение согласно с тем, что это наилучший способ разрешить ситуацию.
15. В ситуациях, где обычно все жульничают, нет причин не делать того же.
16. Выдавать чужие идеи за свои — не такой уж и серьезный проступок.
17. Нет никакого вреда в том, чтобы уйти из магазина с лишней сдачей.
18. В порядке вещей немного приврать во время переговоров, — ведь никто не пострадает.
19. С некоторыми людьми необходимо обходиться без церемоний, потому что у них нет тех чувств, которые можно задеть.
20. Абсолютно нормально относиться плохо к тому, кто ведет себя как мерзавец.
21. Те, кто совершает насильственные преступления, не заслуживают того, чтобы к ним относились как к обычным людям.
22. Люди, с которыми плохо обращаются, обычно сами совершают что-то такое, что провоцирует это.
23. Если коммерческая компания ошибается в расчетах в вашу пользу, вполне можно им об этом не сообщать, — ведь это ошибка с их стороны.
24. Если произошло вторжение в чью-то частную жизнь, возможно, это случилось потому, что эти люди не приняли адекватных мер для ее защиты.

МЕХАНИЗМЫ в соответствии с номерами вопросов: MD-8 (MD-24):

- 1 (1–3) — «Моральное оправдание» (moral justification)
- 2 (4–6) — «Эвфимистический ярлык» (euphemistic labelling)
- 3 (7–9) — «Выгодное сравнение» (advantageous comparison)
- 4 (10–12) — «Смещение ответственности» (displacement of responsibility)
- 5 (13–15) — «Рассеивание ответственности» (diffusion of responsibility)
- 6 (16–18) — «Искажение последствий» (distortion of consequences)
- 7 (19–21) — «Дегуманизация» (dehumanization)
- 8 (22–24) — «Атрибуция вины» (attribution of blame)